

В. И. ЦИНЦИУС

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ТУНГУСО- МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Тунгусо-маньчжурские языки, в основном представленные на территории СССР, стали объектом специального научного изучения лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

До этого периода тунгусо-маньчжуроведение располагало достаточно обширной филологической базой (грамматики, словари, хрестоматии, отдельные исследования, библиографические сводки, богатейшие архивные фонды) лишь по имевшему письменную традицию маньчжурскому языку. Работы русских ученых в данной области занимали самое видное место.

В отношении остальных представителей этой достаточно обширной языковой группы интерес проявлялся лишь от случая к случаю. Перечень имевшихся ранее работ и материалов невелик. Здесь можно назвать основы грамматики с небольшими словарными данными М. А. Кастрена по эвенкийскому языку; отдельные грамматические наблюдения, некоторые текстовый и словарный материал в обработке А. Шифнера по эвенскому (ламутскому) языку; словарные списки по другим тунгусо-маньчжурским языкам, например нанайскому (В. Грубе), солонскому (А. Ивановский), орокскому (С. Леонтович), удэйскому (С. Браиловский) и др.

Двадцать с лишним лет тому назад, в 1925—26 г., языки народов Севера впервые стали преподаваться в ВУЗ'е (Ленинградский Государственный ордена Ленина университет им. А. А. Жданова) как самостоятельные языковые дисциплины. С того же времени для самих представителей этих народностей открылся доступ к получению высшего образования. На протяжении более чем полутора десятка лет ведется большая напряженная и кропотливая работа по оформлению литературных языков данных народностей. Эти процессы вывели тунгусо-маньчжурские языки, как и языки других групп народов Севера — угро-самоедской и палеоазиатской, — из состояния языков в научном плане подсобных на собственный научный путь.

Всего в тунгусо-маньчжурской группе, как известно, выделяют десять языковых единиц, из которых две (маньчжурский и солонский) — зарубежные, остальные же представлены в СССР. Из этих восьми половина (эвенкийский, эвенский, нанайский, удэйский) получила права литературных языков, остальные же (негидальский, ульчский, орокский, орокский) выступают в качестве диалектов. В настоящее время, впервые в истории изучения этих языков, мы располагаем грамматическими очерками, правда, главным образом по разделам морфологии, в отношении всех тунгусо-маньчжурских языков и ряда диалектов. Словари, собранные за это время, значительно более обширны, чем прежние. Они включают до 2000—3000 и более слов. Эта работа — начальная стадия сбора и первичная разработка материала — пришла на долю старшего поколения тунгусо-маньчжуроведов: Г. М. Василевич — в области эвенкийского языка,

Т. И. Петровой — в отношении представителей нанайской группы (нанайский, ульчский, орокский), В. И. Цинциус — по языкам эвенскому, негидальскому, ороческому, а также эвенкийскому и удэйскому. Весьма симптоматично, что ряд дореволюционных исследований (материалы по эвенскому языку В. Г. Богораза, словарные материалы по нанайскому и негидальскому языкам Л. Я. Штернберга) мог увидеть свет только в советский период.

Наряду с широко развернувшимися исследованиями отдельных языков для тунгусо-маньчжурской группы, богатой исторически родственными языками, не могли не встать — в качестве первоочередных и во всем их многообразии — вопросы сравнительного порядка. Необходимо было уточнить взаимоотношения между впервые складывающимися литературными языками и диалектами народностей в досоветский период бесписьменных, разрешать проблемы орфографических норм этих языков, их грамматической структуры, терминологии и пр. Перед тунгусо-маньчжуроведением встала задача удовлетворить в той или иной мере элементарные требования, предъявляемые к самостоятельным лингвистическим дисциплинам. Вместе с тем увязки всей системы проделано не было, хотя проводились отдельные сравнительные экскурсы в сторону смежных языков: эвенкий — эвенкийский, негидальский — эвенкийский, солонский — эвенкийский, ульчский — нанайский, орокский — нанайский, ороцкий — удэйский. Вне поля зрения исследователей, в большинстве случаев, оставались отношения этих языков к маньчжурскому.

Представлялось необходимым не только ответить на вопрос — каковы же в действительности те лингвистические данные, которые могли бы послужить для характеристики взаимоотношений между отдельными тунгусо-маньчжурскими языками, но также подойти к проблеме специфики этой языковой группы во всем ее объеме и попытаться найти формальное выражение ее своеобразия, иными словами — найти ее материальное выражение.

В данном случае оказался вполне правомерным подход к проблеме сравнительно-грамматических исследований прежде всего со стороны звуковой, ибо тунгусо-маньчжурские языки представляют собой один из конкретно-исторических случаев материального воплощения языка, материального воплощения сознания, которым обладает человек, но которым он „обладает не с самого начала в виде «чистого сознания». На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом в виде языка“¹.

Исходя из поставленной задачи, методами сравнительно-фонетического исследования удалось установить, что тунгусо-маньчжурская группа в целом характеризуется своеобразным составом гласных и согласных фонем. При этом симметрия и ассиметрия в системе фонем позволяют уловить как бы тройное напластование одной системы на другую.

Специфика в области вокализма и консонантизма тунгусо-маньчжурских языков была выявлена в результате сравнительного анализа материалов и исследований отдельных языков этой группы. При этом анализ не ограничивался установлением общих закономерностей, он включал рассмотрение гласных и согласных в различных положениях: в начале, конце и середине слов, в сочетаниях различных групп согласных. Устанавливаемые соответствия подкреплялись достаточным количеством примеров из привлекаемых для сравнения языков.

При такой методике работы выяснилось, что регулярные соответствия в тунгусо-маньчжурских языках располагаются стройными рядами, в которых узловые звенья составляют почти непрерывную цепь.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 20.

Так, в качестве параллелей согласным в середине слова между гласными нередко выступают вторичные гласные, причем промежуточное звено обычно составляет щелевой согласный. Примеры:

эвенк., сол., ма., нан., ульч., орок. *горо* || нег. *гоjo* || ороч. *гоо* || уд. *гѵ* 'даль', 'далеко'

сол. *тэѳ* || эвенк., эвен., нег. *тэуэ* || ма., нан., ульч., орок., ороч., уд. *тэ* ~ *тэ̄* 'сесть'

ма. *эбу* || эвенк., сол., нег. *эшу* || нан., ульч., уд. *эу* 'спускаться'

эвенк. *нуѳан* || эвен. *ноѳан* || нег. *ноѳ'ан* || ороч. *нуѳа* ~ *нуа* || нан. *н'оани* || || орок. *нѳни* || ульч. *нѳн* 'он'

нан., ульч. *тун'эпу* || ма. *тэйрун* || эвенк., нег. *тиѳѳун* || ороч. *тиѳѳ* (*ун*) || эвен. *тиѳѳун* || уд. *тиѳу* ~ *тиѳу* 'посох'

эвенк., эвен., ороч. *бака-* || ма., сол., нег. *баха-* || уд. *ба-* || нан., ульч., орок. *ба-* ~ *ба-* 'найти'

эвенк., нег., нан., ульчск., орок. *эси* ~ *эси* || сол. *эш'и* || эвенк., эвен., ороч. (по говорам) *э'и* || уд. *э'и* (придыхательный гласный) 'тепер'

Смежные согласные в середине слова во многих случаях дают яркие примеры соответствий, которые носят характер ассимиляции, выпадения или перестановки этих согласных. Примеры:

эвенк., эвен., сол., нег., нан., ульч., орок. *долбонѳ* ~ *долбони* ~ *долбо* || || уд. *догбони* || ороч. *доббони* || ма. *добори* 'ночь', 'ночью'

нан. *гэрбу* || эвенк., сол. *гэрби* || ульч., орок. *гэлбу* || нег. *гэлби* || уд. *гэби* || || ороч. *гэбѳи* || ма. *гэбу* 'имя'

нан. *хуктэ* || эвенк., нег., ульч., уд. *ѳктэ* || сол., ороч. *иттэ* || эвен. *ѳт* || || (ма. *вэйхэ*) 'зубы'

эвенк., эвен. *уркэ* || сол., ороч. *уккэ* || уд. *укэ* || нан., нег., низ. *уѳкэ* || нег. верх. *ус'кэ* ~ *ут'кэ* || ма., ульч. *учэ* || орок. *утэ* 'дверь', 'вход'

эвенк., эвен. *күргэ* || нег. низ. *куѳгэ* || орок. *кугэ* || нан. *куэ.э* || уд. *кугэ* || || нег. верх. *кудгэ* || ульч. *куэѳэ* || ма. *кучжу* || орок. *коддо* ~ *куду* 'кузнечные меха'

эвенк., нег. *зэпкун* || эвен. *зэпқан* || ороч., орок. *зэппу* || нан., ульч. *зэкпу* || || сол. *зэкку* || ма. *чжакун* 'восемь'

онкор-сол. *надарѳи* || сол. *надарнѳи* || нан. *надаѳѳу* || ульчск. *наданѳу* || ма. *наданчжу* || орок. *надандо* 'семьдесят'

В начале слов наибольший интерес вызывают следующие ряды соответствий:

* $p\hat{q}^h$ || ϕ || p || h || x || 0

ма. *фэмэч* || нан., ульч. *пэму* || орок. *пэму* || эвен. *һэмэн* || эвенк. *һэмун* || || нег. *хэмун* || ороч. *хэму* || уд. *хэму* || сол. *эммэ* 'губы'

$k\hat{x}^h$ || x || c || 0

орок. *хамасаи* || нан., ульч. *хамаси* || ма., ороч. *амаси* || эвенк., эвен., нег. *амаскѳ* ~ *амаски* || сол. *а ашхѳи* || уд. *а ашхи* 'назад'

нан. *симуксэ* || ульч. *симсэ* || ма. *симэчи*, *нимэчи*, *имэчи* || эвенк., ороч. *имуксэ* || сол. *имукчэ* ~ *имуччэ* || нег. *имухсэ* || эвен. *имсэ* || уд. *имс'о* 'сало', 'жир', 'масло'

η || n || w ~ v || 0

ульч., орок. *ѳуѳ* || нан. *ѳѳ* || ма. *вэ* || эвенк., эвен., ороч. *ѳѳи* || нег., уд. *нѳи* 'кто'

В тех случаях, когда на одно слово падает несколько фонетических соответствий, получаются цепочки более сложных параллельных рядов. Примеры:

ма. *фахун* || орж. *пака* || нан., ульч. *пā ~ па*

эвенк. *һакин* || эвен. *һақан* нег. *хахин* || орж. *хаки* || уд. *х'аи*

эвенк. ангарск. *акин* || эвен. камчатск. *ақан* || сол. *ахи*¹ 'печень'

— нан. *појка* || ульч. *пуча* || орок. *пута*

эвенк. *һурка* || нег. *хојка* || нег. верх. *хос'ка ~ хот'ка*

ма. *хурка* || ороц. *хукка* || уд. *хука* 'петля' (ловушка)

эвенк. вост. *иркэжйн* || сол. *иркэхүй*² || ороц. *иккаһи*

нег. низ. *йхохин* || нег. верх. *искокич ~ иткокин* || ма. *ичэ*

нан. *сикү*² || уд. *сикэ* || ульч. *сичэу*² || орок. *ситэу* 'новый'

В зависимости от наиболее типичного общего характера соответствий им придается условное булвенноэ выражение, на отвлеченный характер которого указывает стоящая впереди звездочка (*). Кроме того, эти соответствия могут быть помечены порядковым номером. Таким образом, например: *а выражает соответствия первое (а || а), *о — соответствие второе (о || о, а), *пф^h — соответствие двадцать пятое (п || ф || һ || х || 0), *кх^h — соответствие сорокового (х || с + и || 0) и т. д.

Как же следует относиться к этим формулам выражения фонетической закономерности соответствий, к этим „абстракциям под звездочкой“?

Употребляя выражение „языки такой-то группы или системы“, следует обратить внимание на то, что, служа выражением так или иначе сложившегося конкретного исторического единства, устанавливаемого в собственно лингвистическом смысле на основании ряда общих моментов, прежде всего в области лексики, а также морфологии, данный термин одновременно заключает в себе и понятие диалектической расчлененности.

Таким образом, являясь выражением понятия определенного языкового единства, термин „тунгусо-маньчжурские языки“ также заключает в себе указание на расчлененность. При этом расчлененность представляется конкретной, в виде отдельных языков, тогда как единство, основанное на общности языкового материала, выступает как абстракция. Здесь со всей силой вступает в свои права одна из особенностей диалектики познания: „Значение общего противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов etc. дает конкретное в его полноте“.¹ И далее: „Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)“.²

Помимо условного выражения (формулы) соответствий в отношении отдельной фонемы или группы фонем, в некоторых случаях представляется необходимым выключить под звездочкой всю сумму соответствий, приходящихся на одно слово или на ту или иную его значимую часть (морфему). Так, например, при выяснении характера отношения слов с начальными гласными в говоре камчатских эвенков к тем же словам литературного эвенского языка или других тунгусо-маньчжурских языков оказывается, что в данном говоре из пяти случаев слов с начальным гласным в лите-

¹ В. И. Ленин. *Философские тетради*. 1934, стр. 285.

² Там же, стр. 327.

ратурных эвенском и эвенкийском языках два, а в нанайском языке четыре слова имеют начальный согласный. Эти соотношения заставляют предполагать для камчатского говора конвергенцию различного типа основ с начальными согласными и гласными. Такого рода сложные взаимоотношения так же весьма удобно выключить под звездочкой. Примеры:

	нан.	эвенк. лит.	эвен. лит.	эвен. камч.	
*ама-	ама	амин	аман	аман	'отец'
*кх ^h ама-	хамаси	амаскй	амаскй	амаскй	'назад'
*кх ^h има-	симата	иманна	еманра	еманна	'снег'
*саман	сама ⁿ	саман	хаман	аман	'шаман'
*пф ^h эмэн	пэму ⁿ	хэмун	хэмэн	эмэн	'губы'

Вместе с тем отсутствие сложных соотношений, типа приведенных выше, т. е. однообразные ряды соответствий между языками, также позволяют делать интересные заключения.

Так, например, можно с полной уверенностью высказать предположение о правильности увязки с одним корнем таких слов тунгусо-маньчжурских языков, как 'палец', 'наперсток', 'кольцо' и 'ложка' (ср. русск. 'перст', 'перстень', 'на-перст-ок'). При этом указанное предположение в равной мере является справедливым и для каждого отдельно взятого языка и для всей группы в целом, что видно из приводимых ниже рядов.

	'палец' („перст“)	'наперсток'	'кольцо' („перстень“)	'ложка'
эвенк.	ун'а-кән	ун'а-птун	ун'а-кә-птун	уна-кән
эвен.	ун'и-қан	ун'а-пан	ун'-қа-пан	ун'-кән
нег.	он'а-хән	он'а-пун	он'а-ха-пун	он-кән
уд.	ун'-а	ун'а-пти	ун'-а-пти	ун'и-ңа
орок.	хун'иүэ	хуна-птү	хунā-пту	хун'и-һа
нан.	—	хон'а-пту ⁿ	хон'и-ка ⁿ	хон'-а ⁿ

Таким образом, с помощью абстрагирования от явлений, наблюдаемых в их конкретной полноте в отдельных языках, как бы преломляя их через призму общности материала, метод сравнительно-фонетического исследования позволяет найти ключ к пониманию фонетических фактов языка, координировать эти факты одни относительно других, располагать их в относительной временной последовательности. Вместе с тем установленные фонетические закономерности помогают исследованиям других сторон языков тунгусо-маньчжурской группы.

Так, используя результаты выявленных фонетических закономерностей, оказывается возможным поставить на твердую основу и сравнительно-морфологические изыскания. Общепризнанным является, что основной колорит сравнительно-грамматических концепций составляют данные лексических и морфологических сопоставлений. Но при этом нельзя упускать из виду, что без разработанной системы звуковых соответствий исследователь во многих случаях бывает лишен возможности и основания сравнивать то, что подлежит сравнению, и тем более делать убедительные выводы. Формулы же фонетических соответствий, которые служат выражением тех или иных закономерностей, помогают не только в научных выводах, но также и в научном предвидении. Поясним сказанное примером.

Как известно, большинство тунгусо-маньчжурских языков обладает системой притяжательных суффиксов. При этом, например, притяжательный показатель 1-го л. ед. ч. в одних языках имеет форму *-и*, в других *-ш*, ср. эвенк. *ңалэ-ш* || нан. *ңала-и* 'моя рука'. Во всех языках указанные показатели передают понятие 'мне принадлежащий', 'мой'. Но говорить с пол-

ным основанием о тождестве этих морфем, о том, что они являются лишь видоизменениями одного и того же форманта, который восходит к соответствующему личному местоимению *би* 'я', можно лишь учитывая установленные широко действующие в тунгусо-маньчжурских языках закономерности следующего порядка: во-первых, что в положении между гласными смычный *б* заменяется щелевым, т. е. что $V + би > V + wi$; во-вторых, что щелевой выпадает, т. е. что $V + wi > V + i$ (таким образом могла появиться „нанайская“ форма **ɳала + би* > **ɳала-wi* > *ɳала-i* 'рука + я' > 'рука моя'); в-третьих, что узкий недолгий гласный в языках северной подгруппы в конце слов отпадает (таким образом возникла „эвенкийская“ форма **ɳалэ + би* > **ɳалэ-wi* > *ɳалэ-w*).

Таким образом сравнительно-фнегические исследования не являются самоцелью. Они лишь необходимый и неизбежный этап вооружения техническими средствами на путях к сравнительной грамматике односистемных языков во всех ее областях (морфологии, синтаксиса, лексикологии).

Сравнительно-морфологическими изысканиями в области тунгусо-маньчжурских языков уже затронут ряд важных разделов:

а) Категория лица и категория притяжения в генетической связи их с личными местоимениями и с интересной попыткой проследить происхождение самих личных местоимений путем сближения их форм со словом, обозначающим в настоящее время 'человек', 'тело', 'сам' и т. д. (А. Ф. Бойцова, М. К. Максимов).

б) Категория пространственных представлений в увязке с проблемой происхождения наречий места и послелогов с вопросами структуры падежных показателей (Е. П. Лебедева, А. П. Конаков).

в) Категория отрицания с показом диалектической связи слов и форм, служащих для обозначения 'бытия' и 'небытия', 'обладания' и 'необладания', с попыткой увязать многообразие средств выражения отрицания, которыми располагают тунгусо-маньчжурские языки (В. А. Горцевская).

г) Категория числа, в отношении которой путем фоно-морфологического анализа установлена связь между большинством формантов множественного числа имен и формантами собирательными (В. И. Цинциус).

В меньшей степени привлекались данные сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков к разрешению синтаксических проблем, но все же и здесь намечался ряд вех, например по вопросам выражения категории объекта (В. А. Аврорин), по проблемам посессивного строя (О. П. Суник), по типам связи примененных определений (В. Д. Сталь).

Сравнительный подход четко выступает также при исследовании диалектологического порядка, например для эвенкийского языка Г. М. Васильев, О. А. Константинова, для эвенского — Л. Д. Ршес, К. А. Новикова.

Особый отдел сравнительных изысканий представляют работы, посвященные сопоставлениям тех или иных разделов грамматики тунгусо-маньчжурских языков с данными русской грамматики (В. П. Андреева-Георг, А. А. Горцевский).

Значительный вклад в общее изучение тунгусо-маньчжурских языков внесен также экспериментально-фонетическими исследованиями, которыми уже охвачены языки эвенкийский, эвенский и удэйский (акад. Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич).

Имеющиеся предварительные результаты сравнительных данных в различных областях грамматики тунгусо-маньчжурских языков позволяют наметить гамму соотношений между отдельными языками и с достаточной четкостью установить характерные черты северной и южной подгруппы в целом. Подобные рабочие схемы совершенно необходимы, так как без ограничения объектов их нельзя сравнивать между собой.

В ряде случаев структура отдельного слова северной и южной подгруппы как бы противопоставляется одна другой. В северной наблюдается утрата

недолгих узких гласных *и, у*, а также широких *а, о, э* в конце слов (эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки), в начале же слов в этой группе отсутствуют некоторые согласные (см. приведенные выше соответствия * $\widehat{kx}^h \parallel x \sim c \parallel 0$, * $\widehat{p\phi}^h \parallel p \parallel \phi \parallel h \parallel x \parallel 0$). Для южной группы более характерна склонность к утере согласных между гласными и стремление к вокализации конца слов (при соответствиях сев. $V+n \parallel$ южн. $V^n > V$).

При рассмотрении морфологических особенностей отдельных языков тунгусо-маньчжурской группы крайними исходными точками могут служить, с одной стороны, язык эвенкийский, с другой — маньчжурский. Последний является самым „бедным“ по своим агглюгинативно-суффиксальным средствам. Остальные языки в данном отношении представляют как бы промежуточные звенья между эвенкийским и маньчжурским. Так, например, языки эвенкийский, эвенский и солонский обладают богатой падежной системой из 13—14 падежей, в негидальском, ульчском, орокском, удэйском, ороческом их 9, в нанайском — 8, а в маньчжурском только 5. Но в том же маньчжурском обнаруживаются 3 архаических падежных формы в наречных образованиях.

Общими для всех без исключения тунгусо-маньчжурских языков являются три падежа: именительный (основа с нулевым показателем), винительный (суфф. ма. -бэ, эвенк. -*ша, -шэ, -шо, -ма, -мэ, -мо*, эвен. -*ш, -у, -м, -бу* и т. д.) и дательный (суфф. ма. -дэ, эвенк. -*ду, -ту* и т. д.). Творительный падеж (суфф. -эч, -ч, -т) не представлен лишь в языке маньчжурском. Местный и направительный, отсутствующие в системе склонения маньчжурских имен, обнаруживаются в его наречных формах (суфф. -ла, -лэ, -ло и -тки, -ски \parallel -ти, -си). Падежи совместный (суфф. -н'ун ~ -чун), направительно-местный (суфф. -кла, -клэ) и направительно-продольный (суфф. -кли) установлены лишь для языков эвенкийского и эвенского, тогда как родительный падеж свойственен только маньчжурскому, где он выполняет роль выразителя посессивных отношений между именами, для чего в остальных языках данной группы служат специальные притяжательные формы.

В ряде случаев расхождения между маньчжурским и остальными тунгусо-маньчжурскими языками настолько значительны, что возможны заимствования из одного языка в другой, хотя такие лексико-грамматические отделы, как местоимения личные, указательные, вопросительные и притяжательные самостоятельные, количественные числительные первого и второго десятка, числительные распределительные, наречия места, — весьма однородны. Следует отметить, что только маньчжурский язык характеризуется отсутствием личных глагольных форм и, как уже упоминалось, форм притяжательных.

Большой интерес представляют лексико-семантические ряды. Так, например, северная подгруппа для выражения понятия 'сто', 'сотня' пользуется иным (*н'ама ~ н'амэй*) термином, чем южная (*тазу*).

Привлекают внимание также функционально-семантические ряды. Здесь замечается целая серия закономерных переходов. Прежде всего следует отметить такие, которые в одних языках выступают с широким, общим, родовым значением, а в других — с более узким, частным, видовым.

Приведем несколько примеров.

Так, в тунгусо-маньчжурских языках функционально-семантически связаны понятия 'голова' и 'мозг головных полушарий', 'головной мозг': все языки данной группы для понятия 'голова' пользуются словом одного корня — ульч., уд., ороц. *дили* \parallel орок. *д'или* \parallel нан. *эйли* \parallel сол. *дели* \parallel эвенк., сол. *дил* \parallel эвен., нег. *дел*. В маньчжурском это же слово имеет весьма сузненное значение — *чили* (*эли*) 'основания рогов у оленя'. Вместе с тем ма. *учжу* 'голова' \parallel эвенк., эвен., сол. *ирэ* \parallel нег., сол. *игэ* \parallel нан., нег. *игэ* \parallel нег. верх. *идэ* \parallel ульч. *изэ* 'головной мозг', при чем интересно,

что нанайская и ульчская форма *иэ* ~ *изэ* по огласовке начального слога в данном случае отклоняются в сторону норм северной подгруппы по соответствиям южн. *у* || сев. *и*, что, несомненно, связано с тем важным значением, какое мозг головных полушарий животных, в частности медведя, играл в обычаях и обрядах тунгусских охотничьих племен. Со своей стороны в маньчжурском языке для понятия 'головной мозг' служит слово *фэхи*, которое находит параллель в старомонгольском XIII—XIV вв. *һекин* 'голова', ср. совр. монг. *эхин* 'начало', 'исток'.

То слово, которое в языках северной подгруппы означает 'мужчина' (эвенк. *нэрашй* || нег. *нэјашй* || эвен. *н'арй* || сол. *нйрö*), в языках южной подгруппы находит себе параллель в слове 'человек' (ма. *нялма* || орок. *нари* || нан. *нај* ~ *неі* || ульч., ороц., уд. *нй*), тогда как в первой группе языков для понятия 'человек вообще' (а также 'мужчина в частности') употребляется полисемантическое *бэјэ*. При этом возможно парное употребление типа нег. *нэјашй* — *бэјэ* 'мужчина—человек', 'мужская особь' (в тех случаях, когда следует подчеркнуть пол человека). Само же слово *нэрашй* реконструируется, в свою очередь, как **на-и-ра* + **бэ-јэ* > **нэра-бэі* > **нэра-би* > *нэрашй* и т. д. [При этом формативы *-ра* и *-јэ* вскрываются как формативы собирательного значения. Интересно, что в удэйском языке, помимо слова *нй* 'человек', имеется новообразование *нй-нта* 'мужчина', отличающееся от первого наличием собирательного форманта *-нта*.

В слове *асй* ~ *аһи* ~ *ашй*, которое в языках северной подгруппы (эвенкийский, эвенский, негидальский) совмещает два значения — 'женщина' и 'жена', при сравнении с другими языками обнаруживается ограничение семантики либо первым, либо вторым значением: нан., ульч., орок. *асй* 'жена', ма. *аша* 'жена старшего брата', || ороц. *аси*, сол. *ашй*, уд. *а'анта* 'женщина'. При этом в корне слова *асй*, имеющем в ряде случаев, например во множественном числе эвенк., эвен., нег. *агал*, огласовку *с а* во втором слоге, также обнаруживается древний собирательный формант *-са*. Отметим, что в удэйской форме *аһа-нта* 'женщина', как и в указанном выше случае *нй-нта* 'мужчина', снова выступает вторичный собирательный формант *-нта*, т. е. удэйский язык как бы подновляет старую форму, пользуясь привычным канонам.

Приведем еще один пример с перекрещивающимися значениями. В северной подгруппе для понятия 'рыба' (вообще) служит то слово (эвен. *олра*, сол. *оллс*, эвенк. *олло*, нег. *оло*), которое в южной имеет ограниченное значение 'вареная рыба', 'рыба как блюдо, как еда' (уд. *олоһо* || нан., ульч. *хлто* || орок. *холто*). Вместе с тем, слово, которое в языках южной подгруппы означает 'рыба' (вообще) (нан. *согдата*, ульч. *сугдата*, орок. *сундатта*, ороц. *сугзаса*, уд. *сугзеһа*), в северной служит для передачи видового значения 'ленок', 'форель', 'налим' (эвен. *һузанра*, сол. *сугзанда*, эвенк. *сугзанна*, нег. *согзана*). И как бы для того, чтобы подчеркнуть внутреннюю обусловленность этих параллелей, маньчжурское *нимаха* 'рыба' (вообще) находит себе соответствие в нанайском *немо* 'ленок'.

Но совершенно особый интерес приобретают данные сравнительной грамматики в области лексики как специальной сфере применения методики палеонтологического (историко-семантического) анализа. Здесь особенно выступает необходимость взаимной увязки синхронистичного с диахронистичным, хотя при сравнительных работах синхрония вообще условность, так как совершенно очевидной становится относительность сосуществования языковых явлений и фактов, так как эти факты — результат многих причин и развития при различных темпах.

В данной статье можно привести в схематическом виде лишь результаты одного-двух анализов, которые мы называем палеонтологическими или историко-семантическими. Так, удалось вскрыть, что большинство вопросительных слов в тунгусо-маньчжурских языках ('кто-что', 'сколько',

'когда', 'куда', 'как') представляют окаменелые образования, состоящие из вопросительного элемента **кх^hа*- и дифференцирующей этот вопрос в отношении предметности, количества, времени, пространства и качества части, которая ранее, несомненно, была полноценным словом, а именно:

- **кх^hа*- {
 -*i* нан. *хаж*, ма. *ай* ~ *я* (*ја*) 'кто-что?'
 -*ду-i* нан. *хаду*, эвенк. и др. *адй* 'сколько?'
 -*су-н* нан. *хасу*^h, эвенк. и др. *асун* 'как велик?'
 -*ли* нан. *хали*, нег. *али* 'когда?'
 -*ба-са-ка-i* ульч. *хашаси*, нан. *хаоси*, ма. *абси*,
 эвенк. и др. *ашлскй* 'куда?'
 -*о-ни* нан. *хони*, эвенк. и др. *они* ~ *он* 'как', 'каким образом?'

Необходимость сравнительных анализов для прослеживания истории грамматических форм весьма ощутительна во многих случаях. Так, при сопоставлении отрицательных форм глагола выясняется, что в одних случаях (настоящее и прошедшее время) нанайские суффиксально образованные формы восходят к аналитическим конструкциям того типа, какой в настоящее время наблюдается, например, в эвенкийском языке, в других же (будущее время) эвенкийские образования находят свое объяснение в нанайских построениях. Не имея возможности развернуть здесь всю систему доказательств справедливости высказанного заключения, ограничимся приведением отрицательных форм глагола 'не убивать' в ед. ч. упомянутых выше времен параллельно для обоих языков:

эвенкийский яз.

нанайский яз.

настоящее время

1. э-си-м *шā-рэ*
2. э-си-нни "
3. э-си-н "

1. *шā-ра-си-и* < **шā-ра эси-и*
2. *шā-ра-си-си* < **шā-ра э-си-си*
3. *шā-ра-си-ни* < **шā-ра эси-ни*

прошедшее время

1. э-чэ-ш *шā-рэ*
2. э-чэ-с "
3. э-чэ-н "

1. *шā-ра-чи-мби* < **шā-ра э-чи-мби*
2. *шā-ра-чи-си* < **шā-ра э-чи-си*
3. *шā-ра-чи-ни* < **шā-ра э-чи-ни*

будущее время

1. э-тэ-м *шā-рэ*
2. э-тэ-нни "
3. э-тэ-н "

1. э-м *шā-ра та-за-мби*
2. " " *та-за-чи*
3. " " *та-за-ра*

Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков выходят за рамки узкого круга одной группы языков. Исследования ведутся на основе методологии и методами советского общего языкознания, параллельно с исследованиями в области остальных индосистемных языков Севера, с постоянным учетом контакта и воздействия русского языка, с посильным равнением и дружеским соревнованием в достижениях по смежным языковым группам, прежде всего монгольской и тюркской.

Таким образом тунгусо-маньчжурская филология на современном этапе имеет все данные выступать как самостоятельный языковедческий цикл. Этот факт — только следствие тех возможностей, которые советские лингвисты имеют в своей стране — сокровищнице культур национальных по форме, социалистических по содержанию.